Миранда Ли

Жизнь полна неожиданностей

Миранда Ли
Жизнь полна неожиданностей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136209
Ли М. Жизнь полна неожиданностей. Роман: Радуга; М.; 2001

Аннотация

Со своей страстью к планированию бедная Оливия и не предполагала, что всего лишь одна вечеринка та круто изменит всю ее хорошо продуманную жизнь…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 17
Глава 4 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Миранда ЛИ
ЖИЗНЬ ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ

Глава 1

– С тобой все в порядке, Оливия?

Та подняла глаза и увидела рядом с собой босса, который пристально смотрел на нее с высоты своего немаленького роста.

– Все хорошо, – ответила Оливия с дежурной улыбкой высокопрофессиональной секретарши и, чтобы избежать его испытующего взгляда, стала перекладывать бумаги на столе.

Между ними не было принято обсуждать личные проблемы. Когда восемнадцать месяцев назад Льюис принимал Оливию на работу в качестве личного секретаря, он сразу предупредил: ее предшественница была уволена потому, что его жене не понравились ее фамильярность и вызывающая манера одеваться.

Оливия была только рада, потому что предпочитала одеваться на работу строго и консервативно – классический черный костюм с белой или кремовой блузкой. Она и по характеру была консервативной, поэтому никаких проблем с “хозяйкой” у нее не возникало.

Гардероб Оливии был подобран очень экономно и состоял только из самых необходимых вещей. Свои прямые темно-рыжие волосы она гладко зачесывала назад и собирала в узел на затылке. К тому же использовала минимум косметики и не носила украшений.

В редкие визиты жене босса было не к чему придраться: ничто в облике новой секретарши не вызывало ни подозрений, ни ревности. Оливия ясно дала понять, что в отношениях с Льюисом не намерена переступать известную черту. Да ей и не было это нужно. Высокий, смуглый, очень привлекательный, Льюис не был героем ее романа. Оливия любила другого мужчину и собиралась за него замуж.

По иронии судьбы, шесть месяцев назад Льюис разошелся с женой и погрузился в состояние мрачной меланхолии. То, что он обратил внимание на несчастный вид Оливии, было очень необычно и совсем некстати. Ну почему именно этим утром ему не сиделось в своей лаборатории? Зачем он смотрит на нее с такой тревогой и задает ненужные вопросы?

– Ты сегодня выглядишь не очень хорошо, – не отставал Льюис.

– Да? – Рука Оливии инстинктивно потянулась к волосам.

– Я говорю не о внешнем виде, – поправился Льюис. – Скорее, о том, как ты себя ведешь. С самого утра ты сидишь с отсутствующим видом, уставившись в пространство.

Пространство. Услышав это слово, Оливия вздрогнула. Пространство! Именно это слово употребил ночью ее жених Николас, превратив его в основную мотивацию своего ухода. Ему требовалось пространство. Свобода!

– Ты даже не включила компьютер, – произнес Льюис так, словно это было самым громким преступлением века.

Оливия бросила взгляд на настенные часы. Девять тридцать. Она пробездельничала целый час. Неохотно щелкнув кнопкой мыши, Оливия пробормотала:

– Извините.

Льюис сокрушенно вздохнул.

– Оливия, я тебя умоляю! Не надо извиняться. Речь не о том, работаешь ты или нет. Меня беспокоит твое состояние!

– Беспокоит? – переспросила она, недоверчиво глядя на босса.

Как давно никто о ней не беспокоился! Может быть, потому, что она производила впечатление холодной, сдержанной особы? Ее родители и две младших сестры считали, что у

Оливии всегда все в порядке, все хорошо, и постоянно обращались к ней за советами по поводу финансовых и житейских проблем.

До сегодняшней ночи она и сама была уверена, что очень четко распланировала всю свою жизнь. Однако, когда Николас, собрав вещи, ушел, ее мир рухнул. Самое ужасное, что перед тем как уйти, он битый час высказывал все, что о ней думает. В хлестких, жестоких словах он нарисовал красочный образ ограниченной, скупой, надоедливой стервы, контролирующей каждый его шаг, подавляющей его личность, превратившей его в бесхребетного, тупого зануду.

Николас выкрикивал, что устал экономить, копя деньги на будущее, устал питаться дома и заниматься сексом только в кровати, только ночью и всегда в одной и той же позе. Он язвительно напомнил Оливии, что она старше его. Сказал, что хочет пожить в свое удовольствие, прежде чем жениться и обзаводиться детьми. Он жаждал удовольствий и свободы. Предметом его мечты был “порше”, он хотел путешествовать и заниматься любовью с другими, более раскрепощенными женщинами.

Его слова об отсутствии фантазии в их сексуальной жизни больно задели Оливию. Она никогда не думала, что перестала устраивать Николаса в этом отношении. Кроме того, он всегда говорил, что разделяет ее отвращение к некоторым видам любовной игры.

– Как любовница ты ноль! У тебя нет ни фантазии, ни смелости, – бросил Николас уже в дверях. – Ты не имеешь никакого представления, как доставить удовольствие мужчине!

В тот момент Оливия подумала, что Николас сошел с ума. А сейчас внезапно поняла, что он по-своему прав.

– Оливия? В чем все-таки дело? – Голос босса вернул ее к действительности.

Девушка из последних сил боролась с подступившими к горлу рыданиями.

– Дело в Николасе, да?

Она смогла лишь кивнуть и сразу разрыдалась. Слезы ручьем полились по ее щекам.

– Он заболел?

Она отрицательно покачала головой.

– Только не говори, что вы расстались! Оливия вздрогнула: двадцать четыре часа назад она и сама не могла такого предположить, поскольку была абсолютно уверена, что они с Николасом идеально подходят друг другу, одинаково смотрят на жизнь и их желания совпадают. Свадьба – в следующем году, еще через год – покупка дома, и первый ребенок, пока ей не стукнуло тридцать.

Теперь грядущее тридцатилетие виделось Оливии одиноким и безрадостным. Она так долго искала такого мужчину, как Николас… Ведь ей уже двадцать семь.

– Льюис, пожалуйста, – попросила она. – Я не хочу говорить об этом.

Оливия чувствовала на себе его тяжелый взгляд и упорно отводила глаза. Щелкнув мышью, она начала быстро печатать какое-то письмо.

– Не переживай так, Оливия, – вдруг произнес Льюис. – Дай Николасу пару дней, и он придет в себя. Будь уверена, приползет к тебе на коленях еще до конца недели.

– Вы так думаете? – В голосе девушки звучала надежда.

– Ни один мужчина в здравом уме не оставит такую женщину, как ты, – твердо произнес босс. – Поверь мне.

Льюис оказался прав: Николас действительно вернулся через несколько дней, но отнюдь не на коленях и не для того, чтобы остаться. Он приехал, чтобы забрать свои вещи, и самое главное – коллекцию дисков. Уже направляясь к двери, Николас равнодушно бросил, что мебель, которую они покупали вместе, он, так и быть, оставляет.

Из окна Оливия видела, как он выехал со двора на блестящем черном “порше” последней модели. Вероятно, потратил на него все деньги, которые, как она рассчитывала, должны были стать его вкладом в строительство их общего дома.

Оливия безудержно рыдала, вспоминая, как покупала все эти вещи на распродажах, старательно откладывая деньги на их совместное будущее. Проплакала она и всю следующую неделю. По мере приближения Рождества ее депрессия только усиливалась.

В офисе Оливия была поглощена привычной работой, но дома ничего не могла делать, даже есть. В обеденный перерыв она бесцельно бродила взад-вперед по близлежащей улице, якобы в поисках рождественских подарков для близких и друзей. И она по-прежнему избегала проницательного взгляда своего босса. Ей было неуютно в компании этого все понимающего, заботливого человека.

Перед Рождеством она спохватилась, что не купила Льюису даже открытку, не говоря уже о подарке, и дала себе обещание купить подарок и вручить его сразу после рождественских каникул. Но как быть с ежегодной вечеринкой для сотрудников “Альтман индастриз”? Правда, Оливия была уверена, что никто не будет особо переживать из-за ее отсутствия. Обычно на лужайке перед зданием компании натягивался огромный тент, накрывались столы с учетом вкусов даже самых стойких диетиков и вегетарианцев, привозилось пиво в бочонках и много первоклассного шампанского. А главное – устанавливалась площадка для танцев.

Оливия знала, что такие празднества стоили Льюису огромных денег, но он не мог нарушить традицию. “Альтман индастриз” была небольшой компанией, но ее прибыль с каждым годом увеличивалась. К тому же три года назад компания вышла на международный рынок.

Свою первую лабораторию Льюис устроил в старом гараже. Десять лет назад. Химик по образованию и естествоиспытатель по призванию, он сумел таким образом скомбинировать химические и природные элементы, что первая же его косметическая линия произвела фурор. Это была косметика для мужчин – крем и лосьон для бритья. За ними последовали мыло, гель для душа, шампунь и кондиционер. Завершила линию туалетная вода, которая имела грандиозный успех.

Коммерческое чутье не подвело Льюиса – он с самого начала стал сотрудничать с хорошим рекламным агентством. По рекомендации специалистов, мужской линии дали легко запоминающееся название “Все для мужчин”, а к рекламе были привлечены известные австралийские спортсмены. Успех превзошел все ожидания.

Разросшаяся компания помещалась теперь в новом благоустроенном здании в промышленном центре Эрмингтона. Расширение и переезд потребовали больших банковских кредитов, которые, правда, удалось быстро вернуть за счет возросшей прибыли предмета зависти крупнейших конкурентов.

На следующий год Льюис запланировал выпуск косметической серии “Все для женщин”. Уже были разработаны средства для ухода за кожей и волосами, а в лаборатории небезуспешно трудились над духами.

Все это Оливия знала не из разговоров с боссом, хотя должность личного секретаря вполне это допускала, а из газетных и журнальных публикаций. Как раз недавно в одном из крупных журналов Льюису Альтману была посвящена большая статья, в которой говорилось о нем как об одном из наиболее удачливых и перспективных австралийских бизнесменов.

Именно из этой статьи Оливия узнала, что Льюису тридцать четыре года, что он рос единственным ребенком в семье и что его отец умер, когда ему было пять лет. Льюису удалось получить хорошее образование благодаря матери, которая работала на трех работах. Льюис не скрывал, что считает себя в неоплатном долгу перед ней и стремится отплатить ей за все жертвы, на которые она пошла ради него. Статья сопровождалась несколькими фотографиями, и на одной из них Оливия увидела элегантную седовласую женщину лет

шестидесяти. Льюис сказал журналистам, что хочет дать матери все, чего она лишила себя в молодости ради сына.

Оливия никогда не встречалась с матерью босса, но часто беседовала с ней по телефону. Миссис Альтман-старшая жила отдельно от сына. Даже теперь, когда он разошелся с женой. У нее был свой дом, расположенный в красивом пригороде, на берегу гавани.

Оливии всегда казалось, что миссис Альтман недолюбливает жену сына. Хотя, может быть, она точно так же относилась бы и к любой другой женщине, на которой женился бы ее сын? В статье лишь вскользь говорилось о недавнем разводе Льюиса, как и о том, что он сохранил со своей бывшей женой дружеские отношения.

Тогда Оливия рассмеялась. Дружеские, как бы не так!

Сейчас ей было не до смеха. Теперь она поняла, что чувствовал Льюис, когда Дина оставила его. Такого одиночества Оливия еще никогда в своей жизни не испытывала. Она решила, что в таком состоянии ей не стоит идти на рождественскую вечеринку с сотрудниками. Она не могла думать ни о еде, ни о шампанском, ни тем более о танцах. Что касается последнего, Оливия весьма посредственно умела танцевать лишь несколько старомодных танцев и не могла представить себя танцующей в кругу что-нибудь в стиле диско, на виду у всех. Открытость была не в ее характере.

Даже в интимной жизни она была сдержанна и скромна. Прощальный “укол” Николаев оказался очень болезненным. Все чаще ее стала посещать мысль о своей женской несостоятельности. Наверное, Николас прав. Они действительно никогда не занимались любовью нигде, кроме кровати, и всегда в одной и той же традиционной позе!

Когда она встретила Николаев, ей было двадцать пять, и она была еще девственницей. Николасу было двадцать два и, как ни странно, он тоже был неопытен. Преодолев обоюдное смущение, они занялись сексом. Вначале не все получалось, но вскоре они освоили азы, и Оливия была уверена, что Николас удовлетворен. Он никогда не получал от нее отказа и достигал пика наслаждения, не заботясь о том, удалось ли это Оливии. Как оказалось, она переоценила то удовольствие, которое он получал. Ему хотелось разнообразия, а Оливия больше ничего не могла предложить.

Резкий телефонный звонок прервал ее невеселые размышления.

– Приемная мистера Альтмана, – автоматически произнесла Оливия в трубку. – Могу я вам помочь?

– Можете, дорогая. Я хотела бы поговорить с сыном, если, конечно, он не занят в этот предпраздничный день.

– Он все еще в лаборатории, миссис Альтман. Я сейчас соединю вас.

– Погодите, милочка. Я хотела бы поздравить вас с Рождеством, пожелать счастья и чтобы вы всегда оставались такой же приветливой.

– Спасибо, миссис Альтман. Я тоже желаю вам счастливого Рождества.

– Что вы будете делать на праздники?

– Поеду к родителям.

– А где они живут?

– Недалеко от Мориссета.

– Мориссет? Это, кажется, центральное побережье, верно?

– Да. Между Госфордом и Нью-Каслом. Из Сиднея – два часа поездом.

– Ясно. Думаю, в следующем году мы должны обязательно как-нибудь встретиться и пообедать вместе. Мне очень интересно сопоставить ваш реальный образ с воображаемым, который у меня сложился по вашему голосу. Я как-то спросила Льюиса, как вы выглядите, и все, что он смог мне сказать, что вы брюнетка с умными карими глазами. Когда я спросила про фигуру, он растерялся, а потом буркнул: “Обычная”.

Оливия почувствовала себя уязвленной, хотя, по сути, Льюис и не мог ответить иначе. Строгие темные костюмы, в которых она ходила на работу, надежно скрывали все достоинства и недостатки ее фигуры. Юбки Оливии никогда не были ни чересчур короткими, ни слишком обтягивающими. Под пиджак она всегда надевала закрытую блузку или джемпер. Даже сегодняшний ее наряд не был исключением. Может быть, Оливия и оделась бы чуточку поярче, но она совершенно забыла о рождественской вечеринке.

– Знаете, я не была в офисе с тех пор, как за вашим столом восседала та ужасная девица, ваша предшественница, – продолжала тем временем миссис Альтман. – В последний мой визит она была в платье, которое и платьем-то назвать нельзя. А ее духи! Мне показалась, что она приняла ванну в них. Бедный Льюис. Тогда я наконец поняла, почему его экс-супруга все время жаловалась, что он благоухает, как парфюмерный отдел универмага.

Оливия не пренебрегала духами, но отдавала предпочтение легким, едва уловимым ароматам. Сегодня она воспользовалась любимыми духами “Вечность”.

– К сожалению, очень сложно уволить наемного работника. – Миссис Альтман все говорила и говорила. – Если бы Льюис уволил эту девицу, то она тут же потащила бы его в суд, и он вряд ли смог бы объяснить судье, почему он так стремится избавиться от этого глупого, жеманного существа, наряженного в розовое платьице с воротником а-ля Питер Пэн.

Оливия почувствовала, что невольно улыбается. Впервые с той ночи.

– Представляю, с каким облегчением вздохнул Льюис, когда она заявила, что увольняется и уезжает работать за границу.

– Не то слово! А с вами ему очень нравится работать, дорогая. Вы ни разу не вызвали у него недовольства или беспокойства.

Оливия не поняла, обрадовали или огорчили ее эти слова.

– Но на днях Льюис сказал, что вы поссорились со своим другом и вот уже целый месяц в депрессии.

– Да… В общем… – Голос Оливии предательски дрогнул. Ей не хотелось обсуждать свои личные дела с миссис Альтман и тем более с Льюисом.

– Не позволяй глупой гордости встать между вами, дорогая. Позвони ему. Скажи, что просишь прощения, даже если виноват он. Минута унижения – ничто, когда все плохое уже случилось.

Брови Оливии поползли вверх. Она никогда ни перед кем не унижалась и не собиралась делать этого впредь. Однако… В словах миссис Альтман есть смысл. Действительно, гордость иногда препятствует примирению. Оливия смогла убедить себя, что один звонок с пожеланием счастливого Рождества – совсем даже не унижение. Николас как раз должен быть в это время в офисе. Она просто пожелает ему счастья. От этой мысли сердце Оливии наполнилось надеждой.

Соединив миссис Альтман с Льюисом, Оливия набрала знакомый номер. Через некоторое время на том конце сняли трубку.

– Рабочий стол Ники, – проворковал женский голос.

Оливия растерялась.

– Рени? – неуверенно спросила она. – Это ты? Рени была коллегой Николаев и иногда отвечала по его телефону, когда самого Николаев не было в офисе.

– Рени давно уволилась. – В хрипловатом голосе слышалась насмешка. – Меня зовут Иветт. Я работаю вместо нее.

Рени уволилась. На ее месте работает какая-то Иветт, называющая Николаев Ники, Что происходит? Оливия почувствовала дурноту.

– Могу я поговорить с Николасом?

На том конце провода повисла тишина, потом послышалось перешептывание и сдавленное хихиканье. Наконец, после мелодраматического вздоха, в трубке раздался голос Иветт:

– Это случайно не Оливия?

– Позовите, пожалуйста, Николаев.

– Не могу. Его нет. Он в туалете. Но в любом случае ты напрасно теряешь время. Он не хочет ни видеть тебя, ни разговаривать с тобой. Теперь у него есть я, и это все, чего он хочет.

Оливия сделала глубокий вдох и неимоверным усилием воли заставила себя говорить спокойно:

– И как давно вы стали всем для Николаев?

– Давно. Ты даже представить себе не можешь, как давно. Смирись, дорогуша. – Голос Иветт стал похож на мурлыканье сытой кошки. – Тебе нечем удержать такого мужчину, как Николас. Все твои деловые качества и организаторские способности Ники ни к чему – для этого есть компьютер. Или пылесос. А мужчинам нужна страсть. Непредсказуемость. Беззаботность и веселье.

– Иными словами, секс. – Теперь Оливия точно знала, чьими словами говорил с ней Николас при их последнем объяснении.

– Это одно и то же.

– Вы думаете, мы с ним не занимались сексом? почти выкрикнула в трубку Оливия, ненавидя это бессердечное существо, отнявшее у нее любимого мужчину, а вместе с ним и будущее.

– Да разве это был секс? Ну все, дорогуша. Мы идем в бар пропустить по стаканчику в честь праздника. Чао! Да, кстати, счастливого Рождества!

Оливия еще долго сжимала телефонную трубку, из которой доносились короткие гудки.

И тут внутри у нее закипела ярость, неконтролируемая и ослепляющая. Швырнув трубку на рычаг, Оливия вскочила с кресла, чувствуя, как адреналин бушует у нее в крови.

Значит, пропустить по стаканчику? Отлично, ребята! Но ей тоже есть где повеселиться. Она пойдет на вечеринку и забудет обо всем на свете. Забудет о Николасе и Иветт. Забудет о вдребезги разбитых мечтах. Пошло все к дьяволу! Оливия идет веселиться!

Девушка решительно сняла пиджак и бросила его на стул. Она выпьет пару бокалов шампанского, и ей сразу станет хорошо. Оливия никогда не пила допьяна, но всегда чувствовала приятное веселье после пары стаканов вина.

Господи, ей так нужно хоть ненадолго стать веселой и легкомысленной!

Вынув заколку, Оливия тряхнула головой, и красивые волосы каскадом упали ей на плечи. Расстегнув две верхние пуговицы деловой блузки и расправив плечи, Оливия решительно вышла из кабинета и направилась туда, где звучала музыка.

Глава 2

К двум часам дня Оливия чувствовала себя просто фантастически. Если бы она раньше знала, что шампанское – такой сильный антидепрессант, она бы давно прибегла к этому средству. После третьего бокала все вокруг стало стремительно улучшаться настроение, музыка, мужчины.

К тому моменту, как Оливия прикончила первую бутылку шампанского, даже тридцатилетний бабник Фил из отдела сбыта, которого она всегда терпеть не могла, стал казаться ей очень даже милым. Они болтали уже около получаса, когда Оливия в первый раз почувствовала на себе нахмуренный взгляд Льюиса. Он стоял в окружении сотрудников с бокалом шампанского в руке и пристально смотрел на нее.

Сердитый взгляд босса лишь подлил масла в огонь. Льюис ей не отец, не брат и не жених! Она имеет право веселиться, как хочет! И она не делает ничего такого, чего бы не делали другие молодые сотрудницы фирмы, – немного флиртует, пьет шампанское и смеется.

Когда Фил пригласил Оливию на танец, она не стала отказываться. Поставив на поднос почти пустой бокал, она вложила свои пальчики в раскрытую ладонь кавалера и решительно вышла на танцевальную площадку. Внезапно медленная музыка сменилась оглушительными ритмами рок-н-ролла, от которых кровь сама по себе ускорила свой бег по венам и породила в сознании Оливии дух бунтарства. Она почувствовала, что улыбается Филу чуть шире, чем следовало, а танцует намного раскованнее, чем могла когда-либо себе представить.

Оливия без труда уловила ритм; ее тело зажило своей, отдельной от головы жизнью, двигаясь грациозно и чувственно.

В вихре танца Оливия заметила, как внимательно следит за ней босс своими сузившимися синими глазами. И вдруг, впервые в жизни, Оливия почувствовала себя женственной и сексуальной. От этого ощущения грудь еще соблазнительнее заколыхалась под блузкой, бедра еще чувственнее заходили в ритме рок-н-ролла, а в самых интимных местах вдруг вспыхнул непривычный жар и стал расползаться по всему телу.

Осознание собственной женственности было ужасно греховным, но таким восхитительным! Оливия могла бы танцевать без передышки под изумленными взглядами коллег-мужчин, а главное – под сердитым взглядом синих глаз босса.

Она получала несказанное удовольствие, мстя Льюису за ту безликую, бесполую характеристику, которую он дал ей в разговоре с матерью. Пусть же теперь он увидит в ней женщину, способную привлечь взоры всех мужчин, и его – в первую очередь. Оливия чувствовала себя превосходно! Когда музыка закончилась и диск-жокей объявил перерыв, Фил галантно помог ей спуститься с танцплощадки и подвел к одному из накрытых столов.

– Я представить себе не мог, – бормотал Фил ей в ухо, – что ты можешь быть такой. – Взяв с подноса запотевший бокал с шампанским, он вложил его в ее маленькую горячую руку.

– Какой? – спросила Оливия хриплым голосом а-ля Иветт.

Многозначительная улыбка Фила стала первым предупредительным звоночком в ее затуманенном мозгу. Она поняла, в каком направлении работают мысли Фила, но легко отмахнулась от подозрений. В этом было еще одно преимущество состояния опьянения – никакого беспокойства, никаких тревог, никаких сомнений. Даже если Фил останется с носом и будет разочарован, что с того? Ведь это все несерьезно.

Сделав глоток, Оливия оглянулась, чтобы удостовериться, что Льюис по-прежнему не сводит с нее глаз, но босса уже не было.

Она почувствовала себя разочарованной.

– Потанцуем еще? – Фил был тут как тут. Оливия с удивлением обнаружила, что перспектива танцевать с Филом без пристального взгляда Льюиса совсем не прельщает ее. Внезапно весь кураж рассеялся, и ей захотелось уйти.

– Извини, – резко бросила она Филу, – но я должна кое-что сделать прямо сейчас.

Оставив оторопевшего кавалера, Оливия быстро пересекла холл, прихватив по дороге открытую бутылку шампанского и два чистых бокала, и решительно направилась в офис.

Льюис, как она и предполагала, был у себя. Он стоял у большого окна с видом на аккуратно подстриженные лужайки. Серый пиджак и галстук были небрежно брошены на черный кожаный диван. Глядя куда-то вдаль, Льюис расстегнул манжеты и закатывал рукава своей безупречно белой рубашки.

Не выдавая своего присутствия, Оливия остановилась в дверях и стала наблюдать за ним. Она давно замечала, что ее босс исключительно привлекательный мужчина, но думала об этом как-то отстраненно, вскользь. Оценив преимущество своего опьянения, Оливия лукаво улыбнулась и решительно шагнула вперед.

– Вот ты где! – воскликнула она игриво, впервые назвав босса на “ты”. Толкнув дверь ногой, чтобы та захлопнулась, Оливия направилась к письменному столу.

Льюис резко обернулся и хмуро посмотрел на нее.

– Черт возьми, ты понимаешь, что творишь? – спросил он, пока Оливия с деловитым видом расставляла на его письменном столе бокалы и разливала шампанское. Немного игристой жидкости выплеснулось и растеклось лужицей на черной лакированной поверхности.

– Ты ушел с вечеринки, но вечеринка сама пришла к тебе. – Оливия послала ему дерзкую улыбку и двинулась к нему с двумя бокалами, радуясь, что они наполнены лишь наполовину. – Сегодня единственный день в году, когда этот офис можно использовать не для работы. И не надейся, что сможешь сбежать и укрыться от всех в своей чертовой лаборатории. Не выйдет. Вот, держи! – Всунув бокал в его неподвижную руку, она чокнулась с ним и поднесла бокал к губам. – Счастливого Рождества, Льюис!

– Оливия, – сухо сказал он, даже не пригубив шампанское. – Ты – вдрызг пьяная.

– Ты так думаешь? – Оливия рассмеялась.

– Утром тебе будет не до смеха. Похмелье бывает очень мучительным.

– Но ведь это будет только утром. А сейчас я хочу веселиться.

Черная бровь выразительно поднялась, а на губах появилась сардоническая ухмылка.

– Ну, это очевидно. И не только мне. Ты не забыла репутацию Фила Болдуина? В нормальном состоянии ты его на дух не выносишь.

– Не забыла.

– Черт возьми, Оливия! Если таким образом ты хочешь поквитаться с Николасом, выбери кого-нибудь другого. Я не хочу, чтобы Фил потом хвастался всем, что после рождественской вечеринки занимался сексом с моей секретаршей.

– Ты думаешь, я бы ему это позволила?

– Я не знаю, что и думать. – В глазах Льюиса, блуждающих по ее лицу и фигуре, было выражение смущения и замешательства. Когда его взгляд опустился с гривы спутанных волос до ложбинки на груди, Льюис пробормотал:

– Ты распустила волосы, Оливия. Ты действительно распустила свои волосы!

Внезапно атмосфера в комнате сгустилась настолько, что Оливии даже почудилось потрескивание электрических разрядов. Буря, бушевавшая в ее душе весь сегодняшний день, приблизилась к своему апогею. Она чувствовала пульсацию крови в висках, сердце гулко колотилось, глаза призывно мерцали.

– Наконец-то ты заметил, что я женщина, – произнесла она с хрипотцой.

– Да, не заметить было трудно.

– Хочешь заняться со мной сексом, Льюис?

Оливия видела, что босс шокирован. Но вместе с тем он не мог отвести от нее глаз. Воспользовавшись его замешательством, она обогнула стол и подошла к Льюису вплотную. Его ноздри дрогнули, но он остался неподвижен, даже когда Оливия слегка прижалась к нему всем телом.

Она чувствовала себя невесомой. Не было ни стыда, ни смущения. Ей было очень важно, чтобы Льюис снова посмотрел на нее тем взглядом, каким следил за ней на вечеринке, особенно во время танца. В ней вспыхнуло всепоглощающее, первобытное желание, уничтожившее остатки здравого смысла. Теперь самым важным для нее стало заставить босса признать, что он желает ее и не может устоять перед ее чарами.

Как там Николас назвал ее на прощание? Скучной? Надоедливой? Предсказуемой? Если бы он видел ее сейчас! Льюису она, похоже, таковой не казалась.

Встав на цыпочки, Оливия дразнящим жестом потерлась губами о губы Льюиса.

Тот окаменел, но только на мгновение. Когда Оливия поцеловала его снова, уже более настойчиво, его губы расслабились и приоткрылись. Когда же кончик языка Оливии проник в его рот и коснулся его языка, он издал низкий стон и капитулировал.

Душа Оливии возликовала – это была ее первая женская победа. Улыбаясь, она слегка отстранилась, чтобы посмотреть в лицо Льюису.

– Я сейчас, – пробормотала она.

Глотнув шампанского, она быстро подошла к двери и закрыла ее на ключ. Затем, обернувшись к боссу, выразительно приподняла бровь.

– Мы же не хотим, чтобы нам помешали, не так ли?

Где-то на задворках сознания Оливия понимала, что ведет себя недопустимо, но уже ничто не могло ее остановить. Остатки здравого смысла оказались погребены под волнующими ощущениями происходящего.

Глаза Льюиса неотрывно следили за девушкой, пока она пересекала комнату и приближалась к нему. Их мерцание и блеск выдавали его волнение.

Оливия поставила свой пустой бокал на стол, взяла Льюиса за руку и подвела к широкому кожаному дивану.

Он опустился посередине дивана, туда, куда она указала, продолжая следить за ней пылающими синими глазами. Оливия сбросила туфли и, подобрав под себя ноги, села рядом.

– А сейчас, – прошептала она, забирая бокал из его рук, – мы вместе выпьем шампанского, не возражаешь?

Она поднесла бокал к его губам, и Льюис послушно сделал глоток. Он по-прежнему не произнес ни слова, и Оливия, больше для храбрости, залпом допила остальное и бросила бокал на ворсистый ковер. Взяв в ладони его лицо, она поцеловала его губы сперва легко, затем настойчивее, глубже, вырвав стон из его груди.

Не прерывая поцелуя, пальцами, ставшими на удивление умелыми и проворными, она расстегнула рубашку Льюиса и стала гладить обнажившуюся грудь.

Твердая и мускулистая, грудь Льюиса была покрыта волосами, что неожиданно очень возбудило Оливию. У ее босса оказалось великолепное тело – видимо, он не пренебрегал тренировками в тренажерном зале.

К первоначальному замыслу Оливии – соблазнить босса – добавилось вдруг возникшее собственное желание. Оторвавшись от его губ, она стала целовать широкую мужскую грудь. Когда она прикоснулась к соску, Льюис резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы. С коварством, о наличии которого у себя Оливия и не подозревала, она больше не прикасалась к соскам, пока они сами не напряглись, превратившись в маленькие пики, и только потом сделала то, чего Льюис страстно желал.

– О Боже! – не сдержал он стона, когда она втянула ртом один сосок и слегка прикусила его зубами.

Страстность этого стона-мольбы заставила Оливию задрожать и с еще большей искусностью продолжить мучительные ласки. Она почувствовала, как под ее руками и губами мощная грудь заходила ходуном, воздух с хрипом вырывался из горла “несчастной” жертвы. Когда дорожка поцелуев спустилась к пупку, а руки Оливии нащупали молнию брюк, Льюис схватил ее за руки.

– Нет! – простестующе, но как-то не очень убедительно простонал он.

Соблазнительно улыбаясь, она развела его руки широко в стороны и прижала к спинке дивана. Ее тело оказалось сверху, и яркое свидетельство сильнейшего мужского возбуждения уперлось ей в живот. Ощущение его восставшей плоти возбудило Оливию еще больше и вместе с тем придало уверенности. С самого начала этой авантюры ей казалось, что Льюис не будет очень сопротивляться ее фантазиям.

А фантазии теснились в ее голове, требуя немедленной реализации. Бедный Николас, он просто не представлял себе, на что способна его предсказуемая, скучная Оливия. Она тоже умеет делать все эти штучки, которыми малышка Иветт соблазнила ее жениха в его офисе.

Стремление взять реванш, помноженное на ее собственное желание, образовало опасную смесь, заструившуюся по ее венам вместе с адреналином.

– Шшш, – пробормотала Оливия, накрывая губы Льюиса своими. – Ты ведь тоже хочешь меня. Я чувствую, что хочешь.

Его приглушенное ругательство лишь развеселило девушку.

– Да.., уже скоро, – пообещала она. – Ты просто ляг, расслабься и наслаждайся. Мы не станем торопиться, правда?

Оливия улыбнулась. Ощущение власти над мужчиной было головокружительным, фантастически приятным. При этом ей казалось, что ее собственные чувства находятся под контролем. Однако это было заблуждением. Она уже давно утратила контроль и над своими действиями, и над своим сознанием, но твердо знала одно – она должна довести начатое до конца, сейчас это самое главное! Льюис должен помочь ей вернуть чувство собственного достоинства, веру в себя, как в женщину, возродить душу из пепла.

Оливии без труда удалось раздеть Льюиса. Интересно, почему ее неумелые руки стали вдруг такими проворными? Даже самые смелые ласки не вызывали в ней чувства стыда и неловкости. Словно в ее тело вселилась другая женщина – опытная, раскрепощенная соблазнительница.

– Оливия… – пробормотал Льюис, когда ее голова стала склоняться над его животом.

Она остановилась и посмотрела ему прямо в глаза. – Все будет хорошо, – заверила она с улыбкой, – не волнуйся. Это только начало.

Повисшую тишину нарушал только мерный царапающий звук. Оливия определила источник – ногти Льюиса царапали кожаную обивку дивана, когда он сжимал и разжимал пальцы рук.

– Оставайся на месте, – велела Оливия, отбрасывая волосы с лица и выпрямляясь. – Обещай, что не двинешься с места.

Выражение лица Льюиса по-прежнему было слегка ошарашенным. Его глаза расширились, когда Оливия, встав напротив, сначала высоко подняла юбку, затем сняла с себя чулки и трусики. Ей понравилось выражение, с каким Льюис смотрел на ее ноги. Оливия специально не стала снимать юбку, ей показалось, что так эротичнее – быть обнаженной под деловым костюмом. Поэтому она не стала снимать и блузку.

Отвернувшись от возбужденного взгляда Льюиса, она снова наполнила свой бокал шампанским и выпила залпом, поскольку вдруг почувствовала, что волшебное действие алкоголя стало ослабевать.

Прихватив бокал с остатками шампанского, она вернулась к неподвижно сидящему Льюису. Широко расставив колени, она села сверху на его раздвинутые ноги. Поза получилась крайне бесстыдной, и Оливия успела подумать о том, как хорошо, что ее консервативная юбка не слишком узкая.

– Кажется, мне тоже требуется глоток, – хрипло пробормотал Льюис.

– Предлагаю разделить на двоих. – Оливия протянула ему бокал, который Льюис жадно осушил и бросил за диван, где на ковре уже валялся один.

– Я должен предупредить тебя, – слегка заплетающимся языком произнес он, – что у меня нет с собой презервативов.

– Я уже поняла, – с улыбкой прошептала Оливия и начала расстегивать пуговицы на блузке.

– Это безумие, Оливия!

– Спокойно, босс! Перед тобой добрая старая Оливия. Ты же не думаешь, что я чем-то больна?

– Я не об этом…

– Николас всегда пользовался презервативом, – с томной улыбкой уточнила Оливия. – А я с прошлого месяца пью таблетки. Правда, теперь это ни к чему. Господи, какая я глупая! Но не волнуйся, Льюис. Я доверяю тебе. И спасибо за заботу. Ты вообще человек чести…

– Чести?! Мой Бог! Ты считаешь, это честно – позволять делать тебе все это, когда ты очевидно пьяна и горишь жаждой взять реванш?

– Ты недооцениваешь свою привлекательность, Льюис, – промурлыкала Оливия. – Почему ты так уверен, что я не делаю все это потому, что всегда безумно хотела тебя, но была вынуждена держать себя в руках, поскольку ты был счастливо женат? Может быть, последние шесть месяцев я грезила только о тебе и мое воображение рисовало самые смелые эротические картинки. Как мы с тобой занимаемся сексом в твоей лаборатории, на твоем столе, на этом диване или в душе… В своих фантазиях я чувствовала тебя глубоко внутри себя, а твои губы целовали мои соски…

В этот момент по выражению лица Льюиса Оливия поняла, что босс потерял над собой контроль.

Отведя в стороны ее руки, он распахнул блузку, расстегнул бюстгальтер и положил обе ладони на обнажившиеся полные груди с напрягшимися темно-розовыми сосками. Его руки и губы не были нежными, когда он с голодной страстью приник к одному соску, продолжая руками гладить полные полушария. От дразнящей ласки его губ и языка Оливия откинула назад голову и издала низкий, протяжный стон. Втянув весь сосок в рот и предостерегающе удерживая его зубами, Льюис порывисто поднял ее юбку, сжал бедра и резким толчком вошел в ее лоно.

Раньше Оливия никогда не понимала, что хорошего находят мужчины в этой позе, зато сейчас почувствовала, как хорошо при этом может быть женщине. Ей никогда еще не удавалось испытать чувства такой наполненности. Оливия начала ритмично двигаться – вверх-вниз, вверх-вниз…

Все мысли о Николасе и глупой мести начисто вылетели из головы. Сейчас с девушкой происходили невероятные вещи – никогда еще за свою жизнь она не испытывала такого всепоглощающего сексуального наслаждения. Льюис крепко держал ее ягодицы, сжимая их все сильнее и сильнее, направляя ее движения и задавая ритм.

Оливия почувствовала, как ее тело вспыхнуло огнем, ей не хватало воздуха, сердце колотилось где-то в горле. Она словно со стороны слышала свои вскрики и учащенное дыхание Льюиса. Они достигли пика почти одновременно – сначала громко вскрикнула Оливия и упала головой на грудь Льюиса, а затем застонал он, его тело выгнулось дугой, и Оливия почувствовала пульсацию его плоти внутри себя.

Она ощутила, как ее собственная плоть конвульсивно сжимается и разжимается вокруг него, вбирая остатки жизненной силы. От доселе неизведанных ощущений Оливия чуть не потеряла сознание.

Оливия посмотрела на приоткрытый рот Льюиса, его вздымающуюся грудь, крепко зажмуренные глаза, затем перевела взгляд на свое полуобнаженное тело.., и очнулась. Ее нервные окончания перестали дрожать от наслаждения, и Оливия осознала ужасающую реальность произошедшего. Тело покрылось холодным потом…

Боже, что она натворила?!

Желудок немедленно взбунтовался, к горлу подступила тошнота – то ли от непомерного количества шампанского, то ли от ужаса. Оливия резко запахнула блузку и бросилась в ванную комнату. Она едва успела захлопнуть дверь, как содержимое желудка исторглось в унитаз. Но даже после того, как ее желудок вернул все съеденное и выпитое за день, спазмы не прекратились. Ссутулившись над унитазом, она стирала с лица пот, смешанный со слезами.

Несколько мучительных минут Оливия была уверена, что умирает, и молила Бога, чтобы так и случилось. Тогда ей не придется выходить из этой ванной и встречаться с Льюисом лицом к лицу. Ее руки дрожали, когда она наклонилась над умывальником, чтобы прополоскать рот и умыться. Кафельный пол холодил ноги, что способствовало неизбежному отрезвлению.

– Оливия, с тобой все в порядке? – внезапно раздалось из-за двери.

В порядке? После того, что она натворила? От стыда слезы снова хлынули из ее глаз, а грудь сдавило ощущение непоправимости.

– Оливия?

– Уходите, – задыхаясь от слез, взмолилась она. —Просто уходите. Пожалуйста.

– Не глупи. Тебе плохо. Я не могу оставить тебя в таком состоянии.

– Если вы не уйдете, я.., я не знаю, что с собой сделаю!

Льюис вздохнул.

– Я вижу, что ты уже начала сожалеть о случившемся. Господи, я тоже сожалею! Но, Оливия, поверь, я не мог тебя остановить.

– Пожалуйста, – взмолилась она с крепко зажмуренными глазами. – Я.., я не хочу говорить об этом сейчас.

– Тебе бы хотелось забыть обо всем, будто ничего и не было, да?

– Да! Да!

– Я не смог бы.

– Вы должны. Иначе мне придется уволиться.

– Уволиться?!

– Да.

– Но я не хочу, чтобы ты увольнялась, – пробормотал Льюис. – Ладно, ухожу. Только пообещай, что вызовешь такси. За счет компании.

Оливия скривилась.

– Я заплачу из собственного кармана, большое спасибо. Не надо таким образом вознаграждать меня за оказанную сексуальную услугу. Как же я себя ненавижу!

– Для танго нужны двое, Оливия, – раздался из-за двери спокойный голос. – Я виноват не меньше тебя, если здесь вообще уместно слово “вина”.

– Очень уместно.

– Мы поговорим об этом в другой раз. Сейчас ты не в состоянии анализировать.

– Уйдете вы, наконец? Пожалуйста…

– Хорошо, – согласился Льюис. – Я чувствую, как ты расстроена. Но утром я позвоню тебе домой, и мы спокойно, без эмоций обсудим случившееся, хорошо?

– Хорошо, – пробормотала Оливия.

– Хорошая девочка.

Хорошая девочка?! Он, должно быть, шутит? Она вела себя безобразно. Недопустимо. Льюис ни в чем не виноват. Он не собирался воспользоваться ее опьянением. Наоборот, он до последнего пытался ее остановить. Это она навязалась ему и воспользовалась его обескураженным состоянием. Оливия точно знала, что после развода у Льюиса не было ни одного романа. Если бы у него появилась женщина, были бы телефонные звонки, да и другие свидетельства. Во всяком случае, он не задерживался бы допоздна, а иногда и на всю ночь, в своей лаборатории.

С тех пор как Дина оставила его, он вел монашескую жизнь. Вполне понятно, что, будучи нормальным мужчиной в расцвете сил, он не смог противостоять домогательствам пьяной секретарши. Нет, и вина, и позор – только ее! Было очень благородно со стороны Льюиса попытаться найти ей оправдания, но сама она никогда себя не простит.

– Скажи еще раз, что с тобой все будет в порядке, снова раздался голос из-за двери.

– Со мной все будет в порядке, – слабым голосом повторила Оливия, но затем, не удержавшись, всхлипнула, и слезы снова полились по щекам.

– Извини, Оливия, но я не могу уйти и оставить тебя в таком состоянии. Разреши мне войти.

– Нет, – прорыдала Оливия, – не могу.

– Ну что ж…

Оливия не успела даже удивиться, когда с ужасающим треском Льюис высадил дверь ванной.

Глава 3

– Дьявол! – простонал Льюис, потирая плечо. —В фильмах это выглядит так легко.

Продолжая морщиться от боли, он наклонился и поднял онемевшую Оливию с пола. Забота, с которой Льюис вынес ее на руках из маленькой ванной, обойдя выбитую дверь, потрясла Оливию до глубины души. Выдернув несколько бумажных носовых платков из коробки на письменном столе, он промокнул ее мокрые от слез щеки и убрал прилипшую к губам длинную прядь волос.

– Я принесу тебе воды, – мягко сказал он, поднимаясь.

Как только он скрылся в ванной, мысли Оливии немедленно вернулись к совершенному ею преступлению. Именно такое определение она могла дать содеянному. Увидев на полу свои туфли, чулки и трусики, она застонала и зажмурилась. Услужливая память немедленно воспроизвела картину всего того, что она делала и говорила.

Оливия уткнулась лицом в черную кожаную обивку дивана и снова заплакала. Вдруг девушка ощутила легкое прикосновение к своему дрожащему плечу.

– Не плачь, Оливия, пожалуйста. Я не могу видеть тебя такой.

– Я.., я прошу прощения, – всхлипнула она.

– Извиняться должна не ты.

Оливия услышала нотки раскаяния в его голосе и замерла. Неимоверным усилием воли она взяла себя в руки и подняла голову.

– Но это не ваша вина, Льюис.

– Моя. Только моя.

Он опустил глаза, плечи его поникли.

Оливия взяла из рук Льюиса стакан с водой и залпом выпила. Этих мгновений ей хватило, чтобы окончательно прийти в себя, посмотреть правде в глаза без истерики и принять решение. Конечно, соблазн переложить всю вину на босса был велик, но Оливия решила быть честной до конца.

Будущее, которое она так заботливо строила, развалилось, как карточный домик по мановению руки Иветт. Оливия понимала, что пройдет немало времени, прежде чем она снова сможет поверить мужчине.

Она вообще всегда была очень осторожна… Ну, или почти всегда.

Льюис не должен чувствовать за собой вины, поэтому она обязана сделать вид, что окончательно пришла в себя и справится со своим горем самостоятельно.

Кроме того, Оливия не сомневалась, что сразу после рождественских праздников подаст заявление об уходе. Разве сможет она изо дня в день встречаться с Льюисом в офисе и делать вид, что ничего не было? После случившегося босс не мог не утратить уважение к ней.

Хорошо, что все это предстоит сделать после праздника, потому что сейчас Оливия чувствовала себя такой слабой и измученной, что мечтала лишь об одном оказаться дома в своей постели и забыться…

Но сначала она должна убедить Льюиса, что он ни в чем не виноват.

– Спасибо, – тихо сказала она, возвращая пустой стакан.

Льюис поднял глаза и внимательно посмотрел в лицо девушки.

– Тебе уже лучше, Оливия?

– Да, намного, – твердо сказала она, хотя вымученная улыбка явно свидетельствовала об обратном. —Я – обычная женщина…

– О нет, – покачал головой Льюис. – Ты не похожа на обычных женщин.

Оливия вспыхнула до корней волос, а Льюис огорченно произнес:

– Я совсем не то имел в виду! Черт, я все говорю и делаю не так!

– Наоборот, вы все делали и делаете правильно, Льюис. Не многие мужчины повели бы себя в аналогичной ситуации столь деликатно и заботливо. Поверьте, я не считаю вас виноватым даже на йоту.

– Ты просто не представляешь, что я чувствую..

– Случилось то, что случилось, – устало произнесла Оливия. – И мы оба чувствуем себя не в своей тарелке.

Уголок рта Льюиса приподнялся в усмешке.

– Конечно. Мы же люди. Но ты права, что случилось, то случилось, и хватит об этом. Сейчас я отвезу тебя домой. Ты все еще очень бледна.

Оливия чувствовала себя ужасно. Вероятно, алкогольное отравление. А может, вместе с деликатесными морепродуктами, которыми она закусывала шампанское, в нее забралась какая-нибудь бактерия?

– Я подгоню машину к боковому выходу, – сказал Льюис, поднимаясь с дивана. – Встречаемся, скажем, через.., пять минут.

Оливия обрадовалась возможности подобрать с пола нижнее белье в отсутствие Льюиса. Но, надевая трусики и натягивая чулки, она мыслями невольно вернулась к тому моменту, когда она их снимала. Неужели это была она – бесстыдная, чувственная женщина, соблазнившая босса? Оливия хорошо помнила, как Льюис не мог оторвать от нее взгляд, не мог справиться с желанием овладеть ею. И овладел. Да как!

Она яростно потрясла головой. Неужели это действительно была она?

Оливия надела туфли и заправила блузку в юбку. Первое, что она увидела в приемной, когда вышла из кабинета босса, был черный бант-заколка, который она так безрассудно сняла с головы всего несколько часов назад. Глухо простонав, Оливия засунула это болезненное напоминание о собственном грехопадении в сумочку, схватила пиджак со спинки стула и поспешно покинула комнату.

Льюис уже ждал ее в машине у бокового входа. Это была новая, явно очень дорогая машина, приземистая и обтекаемая. Заметив Оливию, босс вышел и помог ей сесть на переднее сиденье.

– Я включил кондиционер, чтобы в салоне было прохладно. Ты будешь моим штурманом. Я знаю, что ты живешь где-то в Глэдисвилле, но где конкретно…

– Поезжайте прямо по Виктория-роуд, – жалким голосом пробормотала Оливия, пока Льюис пристегивал ее ремень безопасности. Когда его рука дважды задела ее грудь, Оливия вздрогнула. – Я скажу, где повернуть, – сдавленно добавила она.

Слава Богу, что в это время дня дорога не займет более пятнадцати минут. Ехать в автомобиле с желудком, содержимое которого то и дело просится наружу, очень рискованно. А если за рулем ее заботливый и всепонимающий босс – просто невыносимо.

Оливии ужасно хотелось заорать на Льюиса, затопать ногами, будь у нее такая возможность. Но почему на Льюиса? Ведь во всем виноват этот негодяй Николас, а вовсе не босс.

Она не помнила, как пережила эти четверть часа, поскольку очнулась, когда машина плавно тормозила у тротуара возле ее дома. Покосившись на Льюиса, она наткнулась на его внимательный взгляд.

– Я поднимусь с тобой, – решительно произнес он.

– О нет, Льюис! – взмолилась Оливия. – Я хочу побыть одна.

– Давай не будем пререкаться.

Оливия со стоном прикрыла глаза. Она знала, что ее босс отличается упрямством и умеет настоять на своем. Она очень ценила эти качества на работе, но только не сейчас.

Пришло время проявить собственное упрямство и настойчивость.

– Извините, Льюис, но сейчас мы не на работе, и я вам не подчиняюсь. Если вы думаете, что я совершу какую-нибудь глупость, то не беспокойтесь. Все глупости я уже совершила. Кроме того, я сильнее, чем могу показаться.

– У всех бывают моменты слабости, Оливия, – тихо произнес Льюис. Оливия так и не поняла, говорит ли он о том, что произошло между ними, или о том, что испытывал сам, когда его оставила жена. – Иногда не стоит оставаться одному.

– Я не буду одна, – возразила Оливия. – Вернее, буду, но недолго. Завтра утром я поеду домой.

– А где твой дом? – спросил он, затем растерянно покачал головой. – Господи, я даже этого не знаю о тебе! А ведь ты полтора года была моим личным секретарем. Как такое могло случиться, Оливия? Это моя вина или твоя?

Оливия пожала плечами.

– Вспомните, что вы сказали мне, когда принимали на работу. “Не одеваться вызывающе, не вести себя фамильярно…” Ваша жена была очень недовольна самоуверенностью и развязностью моей предшественницы…

– Я помню, – проворчал Льюис.

– Вот почему единственное, что я рассказала вам о себе, так это о моих отношениях с Николасом. Я хотела, чтобы Дина сразу отмела все подозрения по поводу моих намерений.

– А почему ты все время носила эти ужасные костюмы?

– По этой же причине.

– В смысле?

– Меня вполне устраивают и мои костюмы, и их стиль, – с натянутой улыбкой произнесла Оливия. —Дешево и практично.

Льюис нахмурился.

– Дешево?

Оливия едва не расхохоталась.

– Это как раз то немногое, Льюис, что вы должны были бы понять обо мне. Я – дешевая. О нет, не в смысле моего сегодняшнего поведения, хотя я действительно повела себя как.., дешевка. Это касается денежных затрат. Другими словами, я экономная, даже скупая. Скупердяйка, трясущаяся над каждой копейкой. Я веду тщательный учет прибыли и затрат в моем бюджете. О, я большой специалист по накопительству. – Оливия перевела дух и продолжила:

– Но самый большой мой недостаток – я очень скучная. По мнению моего бывшего жениха, я неспособна на импульсивные поступки. Поэтому он предпочел мне веселую Иветт, отличающуюся большой свободой поведения, проделывающую с ним все те чудесные штучки, которые старая, скучная Оливия не сделает и через сто лет!

– Ты же сама знаешь, что он не прав, да? Оливия слабо улыбнулась, чувствуя, как накатывает очередной приступ истерики. Так случалось каждый раз, стоило ей только подумать о Николасе и Иветт.

– О, я могу делать все эти штучки! Главным образом в офисе. То-то Николас удивился бы, доведись ему увидеть меня сегодня!

– Мне кажется, ты должна раз и навсегда выбросить Николаев из головы, – произнес Льюис, внимательно глядя ей в лицо.

– Выброшу. Обязательно выброшу. Со временем. А сейчас я пойду, Льюис. Одна. Да, извините меня, я ничего не подарила вам на Рождество. Думала купить что-нибудь сегодня, но все вышло не так, как я планировала. Я желаю вам счастливого Рождества и заслуженного отпуска, хотя уверена, что пять праздничных недель вы проведете в своей лаборатории, разрабатывая продукцию для новой женской линии. Но ведь для вас это не работа, а удовольствие, да? Я что-то очень много говорю. Лучше я пойду. Со мной все в порядке. Правда.

Завтра я буду уже дома. Забавно. Я даже жду этого, хотя на праздники там творится черт знает что, сумасшедший дом какой-то… Увидимся через пять недель, босс. – С этими словами Оливия поспешно выскочила из машины, поскольку ее неотступно преследовал призрак неизбежной истерики.

Растянув губы в искусственной улыбке, Оливия помахала Льюису рукой. Да, они увидятся через пять недель, только для того, чтобы он подписал ее заявление об уходе. По условиям контракта, после подачи заявления ей нужно будет отработать еще четыре недели. Она, конечно, выдержит, но это все, на что ее хватит.

Оливия понимала, что ей будет очень трудно изо дня в день встречаться с Льюисом в офисе, но придется. Она сама найдет ему новую секретаршу – профессиональную, скромную, лучше зрелую женщину, с которой у него не возникнет проблем. Да, и обязательно замужнюю. Счастливую в браке.

Бедный Льюис, ну не везет ему с секретаршами! Сначала – сексуально озабоченная блондинка, решившая, что поймала свою жар-птицу, затем – комплексующая брюнетка, возжелавшая доказать себе с помощью бедного босса, что она все-таки женщина.

Чувствуя спиной взгляд Льюиса, Оливия на ватных ногах подошла к многоэтажному зданию красного кирпича, на втором этаже которого находилась ее маленькая квартирка. В висках у нее стучало, а желудок снова начал бунтовать. Оливия едва успела добежать до ванной, где ее снова вывернуло наизнанку.

После этого она долго стояла под горячим душем, стараясь смыть все запахи и прикосновения сегодняшнего дня.

Душ помог, но не очень. Натянув старую футболку, служившую ей ночной рубашкой, Оливия рухнула на кровать, даже не разобрав ее. Через полчаса метаний она была вынуждена признать, что уснуть ей не удастся. В маленькой душной комнате Оливия начала испытывать клаустрофобию. Решительно встав, она направилась в кухню и сварила себе крепкий черный кофе. Было бы безрассудством принимать болеутоляющие таблетки на пустой, измученный желудок. Осознав это, Оливия попробовала усмирить головную боль с помощью мешочка со льдом.

В семь часов она заставила себя проглотить тост, выпила еще одну чашку черного кофе и начала собираться. Она то складывала в чемодан какие-то вещи, то вновь вынимала, пока наконец не прекратила это занятие, признав его полную бессмысленность, и не включила телевизор. Посмотрев очередную серию бесконечного сериала, она почувствовала себя лучше – последние события ее жизни на фоне запутанных, рвущих душу страстей героев сериала показались Оливии сущим пустяком. Вот она, волшебная сила искусства!

В одиннадцать часов, выключив телевизор, она предприняла еще одну решительную попытку уснуть. Глядя широко раскрытыми глазами в потолок и мысленно считая овец, Оливия вдруг вспомнила о таблетках.

Соскочив с кровати, она вихрем пронеслась в ванную. Даже страшно было подумать о том, что могло бы случиться, не вспомни она вовремя о мерах предосторожности.

Проглотив таблетку с надписью Пятница, Оливия вернулась в постель, но сон не шел. Она вдруг подумала о том, что же на самом деле думает Льюис о случившемся. После он повел себя очень деликатно и порядочно, но наверняка утратил уважение к ней. Оливия, понимая, что лжет самой себе, продолжала убеждать себя, что уважение – это единственное, чего она ждет от босса.

Ей предстоит расплатиться за содеянную глупость. А как еще можно назвать уход с работы, которую она любит, от босса, которым она восхищается? Но ведь люди всегда должны платить за свои грехи, разве не так? Вы можете всю жизнь совершать только правильные поступки, но стоит сделать один неверный шаг, как весь ваш мир рухнет вам на голову. Разве не это случилось с ней?

Тяжело вздохнув, Оливия закрыла глаза и постаралась выбросить все мысли из головы. Она как в омут провалилась в крепкий и недолгий сон. В два часа она проснулась из-за спазмов в желудке. Конечно, за все надо платить, но для испорченной креветки или устрицы, которой она наверняка отравилась на вечеринке, цена слишком высока.

Оливия сползла с кровати и, пошатываясь, снова пошла в ванную. Проведя там остаток ночи, утром она с ужасом посмотрела на себя в зеркало. Бледная до синевы, изможденная, с черными кругами под глазами, она, тем не менее, мужественно собрала вещи.

Телефонный звонок застал ее в дверях. После секундного колебания Оливия решила не брать трубку, оправдывая себя тем, что времени у нее в обрез и внизу ждет такси.

Если это Николас, то пусть катится ко всем чертям. Если Льюис… Что ж, чем раньше ее босс поймет, что ничем ей не обязан, тем лучше. А его жалости ей тем более не надо.

Жалость. Наверняка это основное чувство, которое он теперь к ней испытывает. Его сердце наверняка до сих пор принадлежит Дине. Это заметно невооруженным глазом. То, что вчера случилось между ними, – просто секс, и больше ничего. Всем известно, что мужчины умеют получать удовольствие от секса, не испытывая при этом никаких чувств к партнерше.

"Как и пьяная женщина”, – ехидно пропищал тоненький голосок в голове Оливии.

Телефон не умолкал, пока она закрывала дверь своей квартиры. Льюис или Николас? Может, Льюис не правильно понял ситуацию и решил, что вчерашняя Оливия и есть настоящая? И с ней можно завести ни к чему не обязывающую интрижку? А вдруг он решил, что она говорила правду, когда несла чушь о том, что он всегда ей нравился, был героем ее эротических фантазий и только наличие жены заставляло ее скрывать свои чувства?

О ужас…

От этих мыслей Оливию передернуло, и она поспешила вниз по лестнице к ожидавшему ее такси.

Глава 4

– Я был прав, Оливия, – сказал доктор, внимательно рассматривая полоску теста на беременность. —Ты на самом деле беременна. Судя по датам и результатам внутреннего осмотра, около месяца.

Широко распахнутые глаза Оливии выражали недоверчивое удивление.

– Но этого не может быть! – протестующе воскликнула она. – Я же говорила вам, что принимала противозачаточные таблетки и не пропустила ни одного дня.

Доктор пожал плечами.

– Таблетки не дают стопроцентной гарантии, даже если принимать их регулярно в одно и то же время. Существует множество причин, почему таблетки могли оказаться неэффективными. Это и прием антибиотиков и ряда других препаратов, и даже чрезмерное количество витамина С. Но наибольшую опасность представляет нарушение работы желудка. В то время, как ты имела сексуальные отношения, у тебя была тошнота или расстройство?

Оливия закусила губу, чтобы не закричать от досады. Жизнь не может быть так жестока к ней!

– Я все понял по выражению твоего лица, – мягко произнес доктор. – Ты нашла причину своей незапланированной и, насколько я понимаю, нежелательной беременности.

Потрясенная Оливия молчала.

– Скажи, у тебя постоянный партнер или это была случайная связь? – мягко спросил доктор.

Оливия скривилась. Какое деликатное название пьяного спаривания в офисе!

– Сейчас у меня никого нет, – с несчастным видом призналась она. – Недавно я разорвала помолвку со своим женихом.

– Но отец ребенка он?

– Нет.

– Ну что ж… Понимаю…

Оливия чуть не расплакалась. Что может понимать этот доктор?

– Есть какая-нибудь надежда, что отец ребенка захочет участвовать в его воспитании?

– Я не скажу ему о ребенке.

– Понятно, – снова повторил доктор. – И как же ты намерена поступить, Оливия?

– Не знаю. Не представляю себе! – Все происходящее казалось ей нереальным, а главное, несправедливым.

– Послушай меня. Я знаю очень хорошую женскую клинику, где с женщинами в твоем положении работают психологи и даже адвокаты. Я могу посодействовать…

– Да.., нет… Спасибо, доктор. Господи, это все ужасно! Я ничего не соображаю.

– Я советую тебе пойти домой и еще раз все хорошенько обдумать. А на следующей неделе ты придешь ко мне и сообщишь о своем решении.

– Я не смогу. На следующей неделе я возвращаюсь в Сидней. На работу.

– Гмм. У тебя есть свой гинеколог в Сиднее?

– Нет. – В случае необходимости она шла в ближайшую больницу, работающую круглосуточно, к дежурному врачу. Оливия болела очень редко, и до сих пор у нее не возникало необходимости в постоянном докторе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.